

СТРЕЛЕЦ

«Стрелец» —
ежемесячник литературы, искусства
и общественно-политической мысли

1

январь 1984
\$3.50

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

Усомнившийся Макар

в номере:

проза

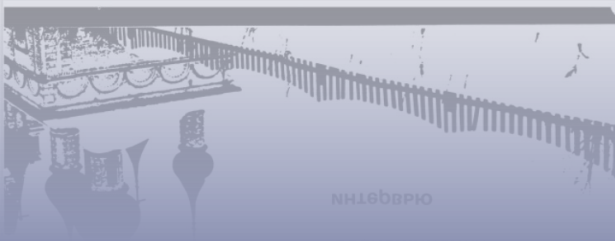
поэзия

литературная критика

эссе

воспоминания

интервью

ЖУРНАЛ

«СТРЕЛЕЦ»

Выходил с 1984 по 1999 гг.

Ежемесячник
литературы, искусства и
общественно-
политической мысли.

Презентацию подготовили: ФЖБ-22

Карина Щербакова
Виктория Поливода
Екатерина Легкова

Александр Глейзер

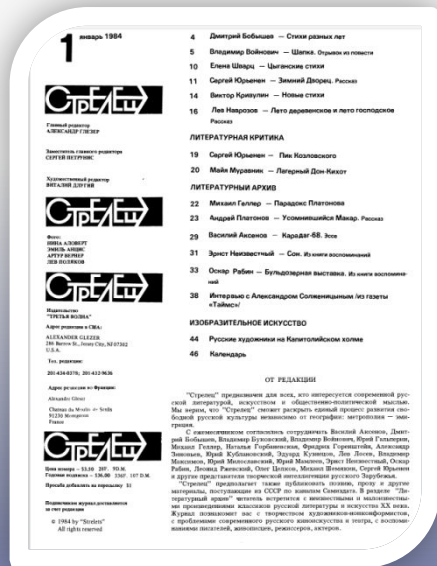
- Журнал «Стрелец» был основан **Александром Глейзером** (поэт, журналист, писатель, издатель) в 1984 в Нью-Йорке при издательстве «Третья волна». Он наследовал альманаху «Стрелец» (3 выпуска, 1915, 1916 и 1922 гг.), издаваемому в России А. Беленсоном и печатавшему таких авторов, как А. Блок, Ф. Сологуб, М. Кузмин, Д. Бурлюк, В. Маяковский, В. Хлебников и др.

Глейзер сперва редактировал журнал самостоятельно, в последующие годы в литературном разделе журнала все большую роль играл поэт Сергей Петрунис, бывший заместителем главного редактора. Художественным редактором был **Виталий Длугий**.

Сергей Юрьенен

- «Стрелец» выходил до 1988 года ежемесячно в виде тонкого (48 страниц) журнала большого формата (чуть побольше чем А4). С 1989 это толстый журнал книжного формата, выходящий раз в квартал. Соредактором был **Сергей Юрьенен**. С 1990 в редколлегия вошли и советские писатели.

- В номерах журнала «Стрелец» говорилось об изобразительном искусстве, литературной критике, литературном архиве, а также были воспоминания, интервью, проза и поэзия.

Михаил Геллер

Парадокс Платонова

Всю свою жизнь Андрей Платонов верил, что смерти нет. Он верил — не только в необходимость, но и — возможность в будущем — воскресения всех живших на земле людей. На наших глазах происходит воскрешение писателя Платонова. К читателю приходит его книга, вычеркнутые из списка живых, «заброшенные», казалось бы, навсегда. Судьба Платонова необычная даже в советской литературе. В середине 50-х годов соответствующие органы стали возвращать в литературу кое-кого из выброшенных ранее писателей, кое-какие из книг, совсем недавно еще числившихся в рядах «враждебных», «клевветнических», «запрещенных». В 1958 году удостоился чести Платонов: были изданы «Избранные рассказы» размером в 287 страниц. Половину книги занимали фронтные рассказы, хотя и подвергавшиеся критике, но и показавшие наиболее «безраздельно». Открытие писателя происходит в 1966 году: в сборник «Избранные» включается пять повестей, в том числе «Джан» ранее полностью не публиковавшийся, и шестнадцать рассказов, в том числе неизвестный «Мусорный ветер». В 70-е годы произведения Платонова регулярно переиздаются, в 1978 году появляются «Избранные произведения» в двух томах.

Если сравнить сборник 1966 года и двухтомник 1978 года, станет очевидным, что корпус произведений Платонова остается неизменным: добавлены научно-фантастические рассказы, некоторые литературно-критические статьи и только.

В известном историческом анекдоте рассказывается о жалобе некоей девицы Петру Первому на произведение над ней наследника. Великий русский царь, признав правоту истцы, постановил резолюцию: считать девицу! Андрей Платонов объявлен советским классиком. Но — не полностью. Он считается девицей, скажем, на 30%. На те проценты творчества писателя, которые сочтены достаточно невинными. Критики многим в нем недовольны: «Не все его (Платонова) герои действуют на главных направлениях движения нашего общества». Естественно, произведения в которых изображены «неправильные» герои, не публикуются. Биогрф упрямает писателя: «Сатира А. Платонова лишена какой бы то ни было позитивной социально-экономической программы...». Естественно, не печатается сатира.

Возникает парадокс. Писатель, объявленный «советским классиком», включенный в «золотой фонд» советской литературы, остается в значительной степени запрещенным, потонным. Статья о нем в «Краткой литературной энциклопедии» заканчивается загадочной фразой: «После смерти Платонова осталось большое рукописное наследие». Фраза загадочна, ибо ясно, что же мешает опубликовать рукописи замечательного писателя. Впрочем, запрет касается не только рукописей: не переиздаются многие произведения Платонова, публиковавшиеся — по недосмотру — в свое время.

Советские цензоры и издатели, решающие сегодня,

что публиковать из наследия Платонова, а что утинять, опираются на указания, данные в 30-е годы лучшими знатоками творчества писателя — Сталиным и Горьким. Тов. Сталин лично читал «Усомнившегося Макара» и «Впрок». И, оставившись недоволен автором, постановил резолюцию: «Подонки! Тов. Горький, прочитай рукопись „Челенгур“, признай, что „роман наш — чрезвычайно интересный» и добавил: «Но вы придали особенно действительности характер лирико-сатирический, это, разумеется, неприемлемо для нашей цензуры»

Трогательно заботясь о «нашей цензуре», А.М. Горький советует Платонову переделать роман в пьесу, а лучше всего вообще писать что-нибудь другое.

В пьесе М. Булгакова «Последние дни» шпик, приставленный следить за Пушкиным, неумолимо размышляет над судьбой поэта: «...Не было фортуны ему. Как ни напишет, мимо пошла, не туда, ве те, не такие». Булгаков имел полное право говорить это про себя. Такое же право имел и Андрей Платонов. На всех поворотах государственной и литературной политики он оказывался под ногами у властей предрешающих и подвергался порке. Его начинают бить в 1929 году, в год «великого перелома». Последний раз при жизни его громит в «Правде» в 1948 году. И потом до смерти перестают печатать.

Враждебная критика была совершенно справедливой: Платонову не было места в советской литературе. Потомственный пролетарий, он не только был одарен великим талантом, но — одним из очень немногих — сохранил на протяжении 30 лет своей творческой жизни то, что составляет смысл литературы — собственный взгляд на мир.

Всю жизнь Платонов пишет одну книгу: о счастье утопии. О мире как счастья, обещающего за поворотом дороги. О том, как этот миряг заставляет людей делать революцию, убивать и умирать, терять человеческие чувства во дороге к счастью, из любви к дальнему губить любовь ближнюю.

«Первой главой» платоновской «книги» были произведения-размышления о ленинской революции, о первом прыжке в утопию: «Ямская свобода», «Сокровенный человек», роман «Челенгур», избравший все темы, сюжет, героев этой «главы». Сюжет «второй главы» — сталинская революция, время «великого перелома» и его последствия. В эту «главу» входят: «Котловани», «Впрок», «Усомнившийся Макар», «Государственный житель», «Ювенильное море», «Чече-о» («Организационно-философские очерки»), написанные совместно с Бор. Пильняком, пьесы 30-х годов. Для писателя нет разрыва между двумя революциями — ленинской и сталинской: обе взаимосвязаны, вытекают одна из другой, обе одного и того же порядка. Обе — соблазняют утопией.

Достаточно безлого взгляда на библиографию Платонова и содержание его книг, изданных в Советском Союзе после смерти Сталина, чтобы понять смысл ампутиции, произведенной над писателем. Из «первой главы» к печати не допущена главная книга — «Челенгур», «вторая глава» — запрещена целиком. Как выразился Платонов в 1937 году о фальсификации его творчества критиками: «Было влято мое, так сказать, „литературное туловище“ и критически препарировано. В результате этого „опыта“ из моего человеческого все же тела получилось: одна собака, четыре гвоздя, фунт серы и глиняная пепельница».

Многое из запрещенного Платонова из Западе издано, прежде всего, по-русски. Особенно важное значение для понимания замечательного писателя имеет публикация рукописей «Челенгура» и «Котловани». Но не все еще доступно читателю. Сборник «Потонный Платонов» ставит задачей познакомить тех, кто интересуется русской литературой XX века, с произведениями, без которых беднее и русская проза, и Платонов. ■

Из предисловия к книге «Потонный Платонов», готовящейся к печати в издательстве «Третья волна»

- Основная цель журнала «Стрелец» — раскрыть единый процесс развития свободной русской культуры независимо от географии.
- «Стрелец» предполагал также материалы, поступающие из СССР по каналам Самиздата. В разделе «Литературный архив» читателю предлагались неизвестные и малоизвестные произведения классиков русской литературы и искусства XX века. Журнал знакомил с творчеством художников — нонконформистов, с проблемами современного русского киноискусства и театра, с воспоминаниями писателей, живописцев, режиссеров, актеров.

ПРИВЕТ НОВОМУ СОБРАТУ!

Александр Глезер сообщил мне о предстоящем выходе журнала "Стрелец", который будет посвящен свободному русскому искусству и литературе. Список авторов "Стрельца" является гарантией того, что журнал будет интересным. Потребность в таком издании возникла давно. В эмиграции, начиная с 1920 года, было создано множество различных изданий, но большей частью они были посвящены различным вопросам и частич-но — литературе. А искусство русских художников и скульпто-ров не имело своего достойного журнала — разве только "Жар-Птица", выходящая до Второй мировой войны в Германии. "Стрелец" восполнит этот пробел в эмигрантских перио-дических изданиях. Особенно хорошо, что страницы журнала будут открыты для представителей трех "волн" эмиграции. Вот почему как редактор старейшей русской ежедневной газе-ты, которая по мере сил уделяет внимание вопросам искусства и литературы, я с радостью приветствую нового собрата — "Стрель-ца" и желаю ему бить в цель метко, без промаха.

Андрей СЕДУХ

- В начале 1992 г. издательство «Третья волна» перебазировалось в Москву. В 1992—1994 годы литературный раздел журнала практически редактировал зам. главного редактора, прозаик Евгений Шкловский, в начале 1995 года его сменил поэт Анатолий Кудрявицкий.
- С 1984 по 1999 гг. вышло около 80 номеров журнала «Стрелец».

Анатолий Кудрявицкий

В 1999 г. заместитель главного редактора журнала «Стрелец» Анатолий Кудрявицкий эмигрирует. После его отъезда Александр Глезер выпускает самостоятельно еще один номер журнала, ставший последним. В конце 1999 г. выпуск журнала «Стрелец» прекращается.

Вячеслав Калинин «Прохожий», холст/масло,

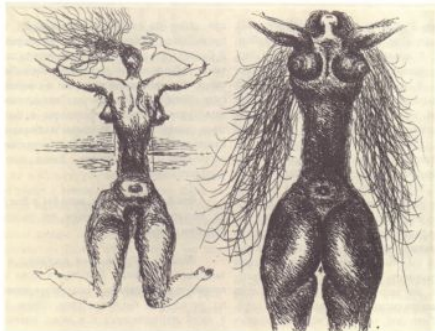
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

974

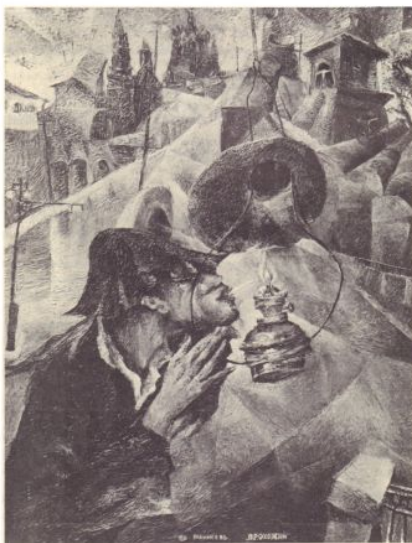
Пожалуй, ни одна выставка неофициального русского искусства в Соединенных Штатах не имела такого успеха, как состоявшаяся в Вашингтоне экспозиция "Неофициальное искусство из СССР", на которой демонстрировалось 70 работ сорока семи художников — как эмигрантов последних лет, так и москвичей и ленинградцев. Выставка эта проходила с 6-го по 31-е июля в двух залах Сената и Конгресса США, и за эти неполные четыре недели ее посетило более двух тысяч зрителей, причем не только жителей Вашингтона, но и многих других городов страны.

Обычно скупая на похвалы "Вашингтон Пост", выделяя творчество Владимира Овчинникова и Михаила Шемякина, отмечая поэтичность их работ и фантастическое видение мира, присущее обоим мастерам, отзываясь о выставке в целом так: "В большинстве своем это художники, которые ищут возможности выразить себя и делают это на высоком профессиональном уровне". Критик газеты "Балтимор Сан" выделяет работы Льва Нуссберга, Оскара Рабина и Бориса Савишниковца. А вот что пишет критик газеты "Вашингтон Таймс": "Первое поколение русских неофициальных художников, к которому относятся, например, Оскар Рабин и Эрнст Неизвестный, склонно к экспрессионизму. Они используют в своих картинах темные, сильно контрастирующие краски, и работы их несут в себе сумрачное, пессимистическое содержание. Более молодые ведущие русские живописцы, такие как Михаил Шемякин и Олег Целков, больше склоняются в сторону модифицированного сюрреализма и совмещают на своих полотнах светящиеся краски, близкие по тону к русской иконописи, с высоконаэлектризованным личным символизмом. Но, так или иначе, все эти четыре художника — законченные мастера с установившимся индивидуальным стилем".

Критик "Вашингтон Таймс" выделяет также работы Виталия Комара и Александра Меламиды, Владимира Овчинникова и Вячеслава Сысоева. Кстати, два рисунка Сысоева иллюстрируют статью в "Вашингтон Таймс", репродукции работ Олега Целкова, Владимира Овчинникова и фотографии с выставки опубликованы во многих газетах.

Владимир Янкилевский. Из цикла «Анатомия чувств», офорт, 1972

Вячеслав Калинин «Прохожий», холст/масло, 1974

Анатолий Белкин. «Введение», бумага/тушь, 1976

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ НА КАПИТОЛИЙСКОМ ХОЛМЕ

Анатолий Белкин. «Введение», бумага/тушь, 1976

Владимир Овчинников. «Лед», холст/масло, 1976

Анатолий Белкин
Эрик Булатов
Анатолий Васильев
Владимир Вейсберг
Николай Ветомов
Владимир Григорович
Виталий Дзугуй
Юрий Жарких
Анатолий Зверев
Борис Зельдин
Эдуард Зеннин
Анатолий Иванов
Ная Кабакова
Вячеслав Калинин
Александр Калужин
Отари Кандоуров
Иосиф Киблицкий
Виталий Комар
Дмитрий Краснопевцев
Анатолий Крыжвенский
Валентина Кропивницкая
Леонид Лерман
Людия Мастеркова
Александр Меламид
Лев Межберг
Александр Ней
Эрнст Неизвестный
Владимир Немухин
Лев Нуссберг
Михаил Одноралов
Владимир Овчинников
Леонид Пивченко
Дмитрий Плавинский
Александр Рабин
Оскар Рабин
Алек Рапопорт
Евгений Рухин
Борис Соеников
Василий Ситников
Леонид Соколов
Вячеслав Сысоев
Гарри Файф
Олег Целков
Владимир Чернышев
Валентина Шваро
Михаил Шемкин
Эдуард Штейнберг
Владимир Яковлев
Владимир Яншилевский

Интервью с Александром Солженицыным

Из газеты «Таймс»

Не оттого ли это, что наш век — первый век, где впервые масса уже больше не боится. И не может ли эта возрастающая масса поинтересоваться тем материальным достоянием, который раньше был достоянием лишь немногих?

Мы должны различать понятие "материальный достояние" — не то, что каждый имеет право — а "важное достояние". Материальный достояние было у подавляющей части европейского населения уже много веков. Например, у нас, у тех, кто говорил Архиепископ ГТДы, другая мерка материального достояния. Но принцип тот же — материальное достояние, переписка здания миллионов человек, который строго держит рамки самонаражения, может быть окружен любым количеством и количеством — а basta и кому равнудшим. Потому что волею не материальное понятие материальное понятие нашей жизни. Уже не в том, что Запад имелось имущество, и оно привнесло у нас краден. Но западе время давнее и потому, что стали слишком выстраивать имущество.

Но возможно ли в демократическом обществе обеспечить программы материальному увеличению материальным благам?

Демократическое общество на протяжении последних веков было двух ступеней развития. Во-первых, демократическое общество 200 лет тому назад в соответствии демократии — это совершенно равные общества. Когда 200 лет тому назад создавались демократия и республиканские страны, они были еще предшественники о Боге. И сама идея демократии была основана, была известна еще из религии — это все люди равны как перед Богом. Никто не стал бы тогда думать, что маршалы это все равны что абсолюто; конечно, все люди совершенно равны по своим способностям, возможностям, но они равны как Богу. Потому демократия имеет истинный истинный источник до тех пор, пока не забыл Бог.

Поскольку мы за эти 200 лет потеряли Бога — демократия потеряла корневой стержень. Предназначение демократии была демократия, а не государственная, украинская. Славные демократы, конечно, но не в отношении структуры государственного управления. Славные в том, чтобы люди, имея так много, имея почти все — сами бы могли не заниматься.

В центре этого лежит проблема, касающаяся, что человек — животное, что человек — зверь, как человек — зверь, как человек — существование. Как же это не человек?

Создание это животное как реакция на жесткую среду. Среднее животное, но процесс, раз являющийся, все время углубляется и расширяется. Среда — все убеждение, что анта человек не а человек, а в доверие поведению, уже выкладывает для млекопитающего из чувствительности, стремительности. Хотя еще 150 лет назад это звучало очень естественно.

38

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Но сейчас некоторые свещенники католической церкви, которые разбирают страны университетов, работают в администрации Папы Римского, считают самым лучшим подражателем религиозным движениям, восточным. Что бы сказать?

Когда в радиусе действия деятельности Папы в современном мире, а именно в виду, что он соотносит его с Божественным измерением. То есть — выстраивает в окружающей среде, но все время имеет в виду измерения высшие. А те свещенники Восточной и Центральной Америки, о которых Вы говорите, попали в среду из ловушки социализма. Социализм, который в кругу противников христианства, имеет критерий, что он знаменитая нечто от христианства, только сказал его более реально. Смысл сказать, что этот дарит не только два истинных литературных в Советской России, говоря, что их проект, по сути, христианства.

Но разве не может спадания бороться с упадничеством, а в же время не подражая никаким разновидностям коммунизма?

Да, да, конечно, может, но, я говорю, оно попадает в эту ловушку. Участие в реальной жизни мира оно попадает слишком далеко. Они мерещатся вовлечение в глубины и детали общественной жизни, чего совсем не делал Папа Римский, потому что Божественное у него во все время выше и контролирует.

Многие из нас считают бы, что именно участие в общественной борьбе есть важнейшее участие Иисуса Христа.

Вот это — большое заблуждение. Действительно, Первого делом участвовать в общественной жизни, но не таким образом, чтобы свертить одна в статью вместо них другие книги. Да и во все случаи скорее всего книга власти будут еще хуже. Участием в общественной борьбе надо в душу каждого человека и душу каждого движения. Если мы участвуем в борьбе только за материальные права, люди не будут иметь ничего общего с христианством.

Видите ли Вы как-нибудь признаки возвращения вашего сознания в милое сердце на Западе, или они продолжают не дальше страсти?

Иногда их в развитии отдельных людей и малых групп людей в разных странах. И не сомневаюсь, что их гораздо больше, чем мы становимся очевидцы. Иногда

Иногда в века, когда пробивалась первая волна, где впервые масса уже больше не боится. И не может ли эта возрастающая масса поинтересоваться тем материальным достоянием, который раньше был достоянием лишь немногих?

Мы должны различать понятие "материальный достояние" — не то, что каждый имеет право — а "важное достояние". Материальный достояние было у подавляющей части европейского населения уже много веков. Например, у нас, у тех, кто говорил Архиепископ ГТДы, другая мерка материального достояния. Но принцип тот же — материальное достояние, переписка здания миллионов человек, который строго держит рамки самонаражения, может быть окружен любым количеством и количеством — а basta и кому равнудшим. Потому что волею не материальное понятие материальное понятие нашей жизни. Уже не в том, что Запад имелось имущество, и оно привнесло у нас краден. Но западе время давнее и потому, что стали слишком выстраивать имущество.

Но возможно ли в демократическом обществе обеспечить программы материальному увеличению материальным благам?

Демократическое общество на протяжении последних веков было двух ступеней развития. Во-первых, демократическое общество 200 лет тому назад в соответствии демократии — это совершенно равные общества. Когда 200 лет тому назад создавались демократия и республиканские страны, они были еще предшественники о Боге. И сама идея демократии была основана, была известна еще из религии — это все люди равны как перед Богом. Никто не стал бы тогда думать, что маршалы это все равны что абсолюто; конечно, все люди совершенно равны по своим способностям, возможностям, но они равны как Богу. Потому демократия имеет истинный истинный источник до тех пор, пока не забыл Бог.

Поскольку мы за эти 200 лет потеряли Бога — демократия потеряла корневой стержень. Предназначение демократии была демократия, а не государственная, украинская. Славные демократы, конечно, но не в отношении структуры государственного управления. Славные в том, чтобы люди, имея так много, имея почти все — сами бы могли не заниматься.

В центре этого лежит проблема, касающаяся, что человек — животное, что человек — зверь, как человек — существование. Как же это не человек?

Создание это животное как реакция на жесткую среду. Среднее животное, но процесс, раз являющийся, все время углубляется и расширяется. Среда — все убеждение, что анта человек не а человек, а в доверие поведению, уже выкладывает для млекопитающего из чувствительности, стремительности. Хотя еще 150 лет назад это звучало очень естественно.

Но разве не может спадания бороться с упадничеством, а в же время не подражая никаким разновидностям коммунизма?

Да, да, конечно, может, но, я говорю, оно попадает в эту ловушку. Участие в реальной жизни мира оно попадает слишком далеко. Они мерещатся вовлечение в глубины и детали общественной жизни, чего совсем не делал Папа Римский, потому что Божественное у него во все время выше и контролирует.

Многие из нас считают бы, что именно участие в общественной борьбе есть важнейшее участие Иисуса Христа.

Вот это — большое заблуждение. Действительно, Первого делом участвовать в общественной жизни, но не таким образом, чтобы свертить одна в статью вместо них другие книги. Да и во все случаи скорее всего книга власти будут еще хуже. Участием в общественной борьбе надо в душу каждого человека и душу каждого движения. Если мы участвуем в борьбе только за материальные права, люди не будут иметь ничего общего с христианством.

Видите ли Вы как-нибудь признаки возвращения вашего сознания в милое сердце на Западе, или они продолжают не дальше страсти?

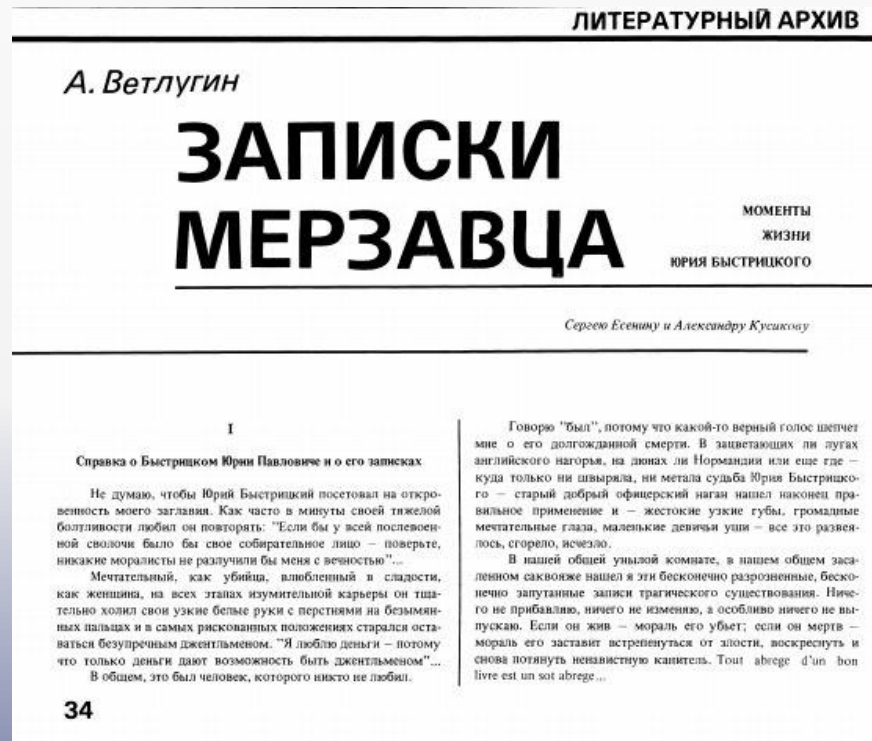
Иногда их в развитии отдельных людей и малых групп людей в разных странах. И не сомневаюсь, что их гораздо больше, чем мы становимся очевидцы. Иногда

Солженицын считает свои статьи, интервью и речи вынужденным и второстепенным для себя делом. В интервью, взятом у него Бернардом Левиным в конце 1983 г. ("Стрелец" № 1 за 1984 год, стр. 43), он говорит:

"Видите, публицистика вообще... я ею занимаюсь поневоле. Если бы я имел возможность обращаться к соотечественникам по радио - я бы читал свои книги, ибо в моей публицистике и в моих интервью я не могу выразить и одной сотой части того, что есть в моих книгах".

М. Шнейерсон в своей книге "Александр Солженицын" ("Посев", 1984) замечает: "Писатель, если он действительно велик, всегда значительно более, глубже, многограннее публициста. Ведь один живет только злостью дня, другой - вечными интересами человечества".

- В выпуске №7 на странице 34 роман-интервью с писателем А. Ветлугиным «Записки мерзавца. Моменты из жизни Юрия Быстрицкого» (псевдоним, настоящее имя Владимир Ильич Рындзю́н умер в 1953 г.), посвященное Сергею Есенину и Александру Куликову.

Спасибо за внимание!